

У меня не было религии.

Мой отец всегда насмехался над ней. Он был таким человеком, который часто над чем-нибудь насмехается.

Для него религия была опиумом слабых, а, в более обобщённом смысле, она сама была фабрикой, что создавала слабых людей. Он хотел, чтобы его дом был охотничьим угодьем, прививающим силу. В его доме не было места, где мог бы взрасти опиум.

Однажды, отец сел за стол и сказал следующее:

– Мода на религию прошла. Точнее, уже даже сейчас, эта мода в процессе отмирания.

Очевидно, чего отец хотел от своих детей. Он хотел, чтобы мы выросли зверьми, способными разорвать что-угодно. Религия была простейшей добычей, с которой можно было оборвать плоть. Издевательство моего отца над религией легко передалось и нам.

В тоже время, по другую сторону обеденного стола от нас сидели ли и наши матери, одна из них была верующая. Насколько я помню, она была из семьи с очень строгими религиозными традициями. Тем не менее, я никогда не видел, чтобы она реагировала на издёвки отца.

Она просто молилась пять секунд перед каждым приёмом пищи. Поступая таким образом, она не обращала внимания на разного рода реакции. Мой отец, в конце концов, горько усмехнувшись сказал:

– Что ж. С этим уже ничего не поделаешь.

Тогда его тон звучал так, будто он просто позволял своей глупой любовнице иметь несколько секунд свободы.

Она вела себя подобно еретику, опороченному смертными грехами. Она не повышала голоса, заучивая Священные Писания, и не встречалась в узком кругу с другими верующими. Нет, она даже не проповедовала веру своему ребёнку. Безмолвная дань уважения перед едой. Казалось, это всё, на что хватало её веры.

Тот раз, когда я стал свидетелем её молитвы очень похож на совпадение. Сейчас, оглядываясь назад, я уже не уверен, было это настоящей молитвой, или нет. Порой бывают времена, когда со мной случаются банально-странные вещи. В такие моменты, меня посещают банально-странные мысли. Эта история как раз такая.

В тот день, я заперся в рабочем кабинете. Я так поступил, поскольку матери, затеяв большую ссору, заняли гостиную. Они так шумели, что звуки спора доносились даже сквозь дверную щель кабинета.

- Это мой дом. Мой и его дом. Как смеете вы, бездари, ступать...

- Если кому и уходить, так это тебе! В конце концов, это всё твоя вина! В тот раз, так же, как и в этот, всегда...

- Прошу, если мы будем думать, прежде чем говорить, то...

Подобные споры возникали по малейшему поводу.

В этом не было ничего существенного. Независимо от того, как громко они спорили о том, кто из них был блядью, матери были едины в том, чтобы закрывать глаза на то, что было на самом деле важным, а именно, на то что именно мой отец был главным мудилой во вселенной. По крайней мере, так было, когда они боролись между собой. Все в этом доме, включая их самих были были блядьми, в то время, как мой отец был неприкасаемым для них существом.

В тот момент, кто-то вбежал в кабинет. Это была она. Кто-то должно быть ударил её, поскольку её губа была разбита. Мгновением спустя, произошло кое-что смущающее. В тот миг, как наши глаза встретились, она разрыдалась.

Я сдержанно успокоил её и погладил по плечу. Интересно, сколько прошло тогда времени. Она схватила мою руку и заплакала.

- Прости их. Прости своего отца. Прости нас. Из дня в день, ах. Воистину, из дня в день, я раскаиваюсь в своих грехах... Воистину...

Моя голова опустела, мне как будто вlepили пощёчину.

Она продолжила, опустив голову, бормотать:

- Пожалуйста, прости нас. Когда я раскаюсь в своих грехах, прошу, сжался над грехами, о которых я не смогла раскаяться. Прошу, прости нас...

Тем, у кого она просила прощения, был по всей видимости не я. В конце концов, она взывала к своему Богу, не ко мне.

С первого взгляда, казалось, что она преуспела. Будто её мольбы прошли невероятное расстояние пока она плакала, они звучали почти так, будто были не здесь.

Каким же отчаянным был её голос. Настолько, что почти смог одурачить даже меня. Если бы она не проливали на меня свои слёзы, если бы её слёзы не остались на моей одежде, то был бы шанс, что я мог на самом деле поверить, что Бог услышал её мольбы.

В лучшем случае, единственным местом, которое могло впитать её слезы, были мои одежды. Они были и местом, которое она охотно оросила слезами. Затем я понял, что в этом и была вся проблема.

Я довольно долго успокаивал её, прежде чем отослал её из кабинета и погрузился в глубокие мысли. Кто мог бы простить её грехи?

Она взывала к Богу. Или, возможно, она взывала ко всей своей жизни. Однако, как я не был Богом, то, к чему она взывала ещё более не могло быть её жизнью. Неважно, чем оно было. Кто вообще мог хоть что-то для неё сделать? Кто может объявить человека невиновным.

За дверью было по-прежнему безрадостно, слышались звуки спора.

- В прошлый раз тоже, поскольку мы сделали все, как ты хотела...

- Нет, это потому что ты была так излишне настойчива...

- Прошу, если вы собираетесь спорить, делайте это вне...

Я взял книгу, что читал ранее.

Мои глаза не замечали слов. Один лишь звук. Поскольку это был звук спора, начавшегося ещё до моего рождения, и который не окончился даже со смертью моего отца, эхо его продолжало звучать в моей голове.

Даже дважды погребённый в моей одежде плач примешивался к нему. Звуки плача и звуки голосов пожирали и изрыгали друг друга. Лишь несколько слов достигли моего уха и могли быть чётко услышаны.

Всё твоя.

Нет, ты.

Прошу.

Вот и всё.

Кабинет наполнил звук музыки Бетховена, что я включил. "От тьмы к свету" – это была якобы цитата Бетховена. Я не знаю, сколько ещё мест мне потребуется преодолеть, не знаю, сколько их должно быть, чтобы моя жизнь стала цельной мелодией.

Я просто этого не знаю.

<http://tl.rulate.ru/book/378/182500>